

есть не что иное, как выработанная долгой работой над самим собой доброта. Для нее же эта доброта вредна. Она симулирует любовь, а так как С[офье] А[ндреевне] безумно хочется вернуть все прежнее свое значение, то при ее ненаблюдательности и невдумчивости ей нетрудно эту доброту принять за любовь. Эта ошибка с ее стороны поддерживает в ней самоуверенность и не дает ей возможности убедиться в том, что она по горло надоела Л. Н. и что единственный выход из тяжелого положения для них обоих — это временная разлука.

Кочеты. 12 сент[ября]. Все это время негодовал я на свою тещу и ругал ее вслаще в глаза и за глаза, а теперь почувствовал к ней мягкость вследствие большого свинства, сделанного исподтишка по ее адресу.

В Ясной живет некто В. М. Феокритова, ремингтонистка для С. А., наперсница для Саши и наушница, где случится. Эта В. М. ведет, как и многие другие, свой дневник. В этот дневник попали и те 3 дня, которые С. А. провела недавно в Ясной¹⁷. И эта часть дневника б[ыла] переписана А. Б. Гольденвейзером¹⁸ и переслана им, совместно с А. К. Чертковой¹⁹ и В. М. Феокритовой, Л-у Н[иколаевичу]. Содержание вкратце таково. С. А. весела, вполне здорова, ест и спит прекрасно (всего этого мы в Кочетах не видели) и ни с того ни с сего будто бы излила свою душу пред В. М., поделилась с ней самыми гадкими и преступными своими намерениями относительно сочинений Л. Н., раскрыла ей все свои будущие подкопы под Черткова, призналась в своей ненависти и отвращении к старому мужу, словом, эта С. А. оказалась не простоволосая и болтливая С. А., а какая-то подлая и злобная леди Макбет.²⁰

Прочтя этот отвратительный, лживый и хамский донос, написанный как будто с целью устроить Л. Н. и принудить его дать какое-либо юридически правильное разрешение Черткову на печатание сочинений²¹, меня затошнило, и я долго заснуть не мог. Особенно меня поразил Л. Н. тем, что он проявил большой интерес к этой гадости. На другой день он спросил мое мнение, и я, не щадя выражений, высказал свое омерзение к этой карамазовщине²², доказывал, что это настоящая провокация и улавливание малоумной и ничего не подозревающей старой болтуны, и провокация эта идет со стороны наймита, т. е. В. М., едящей хлеб этой самой С. А. и получающей от нее деньги²³.

Удивлялся Саше и самому Л. Н. На что Л. Н. сначала помалкивал и по[х]мыкивал, а затем сказал, что сразу он не обратил внимания на нравственную сторону этого поступка, так как его заинтересовало самое содержание, особенно по той причине, что он и не слышал никогда, будто идет такая борьба вокруг его сочинений, но что, конечно, это неблагоприятно, и сделано это не столько В. М., сколько Гольденвейзером. Мое негодование разделяла и Таня, и гостившая у нас С. А. Стахович²⁴, но Саша, ослепленная ненавистью к матери и любовью к В. М., утверждала, что все это правда и что так и следовало поступить²⁵. Сегодня С. А. уехала опять в Ясную. За день до отъезда снова устроила скандал, бегала, когда уже стало темно, к пруду, где я ее отыскал, рыдала, металась, и все из-за того, что Л. Н. не хотел назначить день отъезда. Нож ей вострый, когда ей приходится наталкиваться на факты, доказывающие ей, что выбивается из-под ее власти Л. Н., а я ее к тому же все страшал, что убежит он от нее незнамо куда²⁶. Только по правде сказать, вряд ли Л. Н. отважится на такую решительную борьбу: стар он стал, слаб, надоело ему, а к тому же у него, я думаю, к С. А. если не любовь, то что-то старое еще живет, какая-то смесь жалости, беспокойства и привычки. Привычки всего больше. Расспрашивал я его на днях, и он мне сказал: «Да, как это мне самому ни странно, а беспокоюсь я о ней, когда ее нет, и тоскую по ней. Да, конечно, привычка к ней сильна во мне»²⁷.

22 сент[ября]. Уехал несчастный старик в Ясную Поляну²⁸. Там, наверно, снова начнутся тяжелые приставания графини. Сам Л. Н. ожидает чего-то нового.